

Научная статья
УДК 94(477.4) + (477-25)
doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.011

С. С. УВАРОВ И ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ В 1830–1840-е ГОДЫ

Андрей Витальевич Ашихмин^{1, 2}

¹Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург, Россия, katelive11@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-9830-3565>

²Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье на материале архивных документов из фондов Департамента народного просвещения, а также Канцелярии министра С. С. Уварова и коллекции Высочайших указов, рескриптов и всеподданнейших докладов по МНП анализируются «сдерживающие» элементы имперской политики в области просвещения, её механизмы и особенности на территории «губерний, от Польши возвращённых» (Киевской, Подольской и Волынской). Особое внимание уделено мотивам борьбы администраторов с польским влиянием в образовательных учреждениях. В контексте политики «деполонизации» рассматривается проект министра С. С. Уварова по созданию Университета св. Владимира в Киеве и его практическая реализация. Также исследуется проблема ограниченности власти Министерства народного просвещения в вверенных ему делах вследствие преобладания чрезвычайных механизмов административно-полицейского контроля на территории Киевского учебного округа.

Ключевые слова:

С. С. Уваров, Министерство народного просвещения, национальная политика, Юго-Западные губернии, Университет св. Владимира в Киеве, Киевский учебный округ, имперская идеология, «православие, самодержавие, народность».

Для цитирования:

Ашихмин А. В. С. С. Уваров и политика в области просвещения в Юго-Западных губерниях в 1830–1840-е годы // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 126–140. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.011.

Original article

S. S. UVAROV AND EDUCATIONAL POLICY IN THE SOUTH-WESTERN PROVINCES IN THE 1830–1840s

Andrey V. Ashikhmin^{1, 2}

¹Russian State Historical Archive, Saint Petersburg, Russia, katelive11@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-9830-3565>

²Institute of History of St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract

In an article based on unpublished archival documents from the funds of the Department of Public Education, the Office of the minister S. S. Uvarov and the collection of the Imperial decrees, rescripts and loyal reports, the “restraining” elements of the imperial policy in education, their mechanisms and features on the territory of the “provinces returned from Poland” are analyzed. Particular attention is given to the reasons of administrators’ struggle with Polish influence in educational institutions. In the context of the “depolonization” policy, minister S. S. Uvarov’s project on the creation of the University of St. Vladimir in Kiev and its practical implementation are examined. The problem of the limited power of the Ministry of Public Education in the entrusted affairs due to the predominance of emergency mechanisms of administrative and police control in the territory of the Kiev educational district is also being investigated.

Keywords:

S. S. Uvarov, Ministry of Public Education, national policy, South-Western provinces, University of St. Vladimir in Kiev, Kiev educational district, imperial ideology, “Orthodoxy, autocracy, nationality”

For citation:

Ashikhmin A. V. S. S. Uvarov and educational policy in the South-Western provinces in the 1830–1840s. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2023, vol. 2, no. 1, pp. 126–140. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.011.

Деятельность С. С. Уварова на посту министра народного просвещения (1833–1849) в историографии последних десятилетий становилась предметом изучения как соотечественников, так и зарубежных исследователей. Среди наиболее обстоятельных современных работ в области «увароведения» и проблем, тесно связанных с уваровской идеологической доктриной, следует выделить монографии Ц. Виттекер [1], М. М. Шевченко [2] и С. В. Удалова [3], а также отдельные работы Т. Н. Жуковской [4; 5], А. Л. Зорина [6], А. И. Миллера [7], М. Б. Велижева [8] и др.

Названные исследователи работают в русле изучения биографической и интеллектуальной истории графа С. С. Уварова, его вклада в построение имперской идеологии России первой половины XIX века, административной деятельности «раннего» Уварова на посту попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, проблемы «литература, власть и идеология», а также феномена национализма в имперском дискурсе в уваровский период (и университетов, являвшихся интеллектуальными центрами национального подъёма) [9].

В данном контексте стоит отметить, что исследовательская оптика и подходы в контексте изучения политики в области просвещения в министерстве Уварова с 1990-х годов менялись столь активно, что единого представления о том, что такое «просвещение Уварова» в историографии не существует и, по-видимому, не может существовать.

На наш взгляд, среди причин, определяющих колоссальные концептуальные и методологические разногласия историков по избранной теме, можно выделить следующие:

1) попытки актуализации уваровского наследия в контексте современных политических противостояний;

2) избирательность в формировании источниковой базы, влияющая на понятийный аппарат исследователей (изучение публицистических текстов Уварова рождает образ «философа-славянофила в министерском кресле», в то время как внимание к бюрократическим текстам формирует образ «расчётливого администратора»);

3) следование интеллектуальным шаблонам, созданным по меньшей мере в позапрошлом веке (будь то характеристики министра, данные А. И. Герценом, С. М. Соловьёвым или А. Н. Пыпиным).

Этот список по необходимости можно расширить и до десятка позиций, однако следует понимать, что любой образ С. С. Уварова, нагруженный различными интерпретациями с опорой на фрагментарно изученные и избирательно цитируемые источники, не может быть сколько-нибудь состоятельным без системного ретроспективного анализа его собственного большого проекта в области просвещения, который он стремился реализовать более или менее последовательно не только в период управления министерством, но и в 1810–1820-х годах (в статусе главы столичного учебного округа и президента Академии наук) [10].

В изучении феномена «уваровской триады» преобладает проблематика цензурных гонений, реформ университетской системы, «насаждения русских начал», то есть создания идеологического проекта, отвечающего всем нуждам николаевской бюрократической монархии и т. д. В то же время в историографии практически не уделялось внимания одному из фундаментальных направлений деятельности уваровского министерства — образовательной политике на окраинах империи.

В современной литературе наиболее обстоятельно вопросы уваровской политики в сфере народного просвещения в Юго-Западном крае («губерниях, от Польши возвращённых») были рассмотрены в монографии А. С. и Ю. Е. Манойленко [11: 214–258]. Изучив, главным образом, документы фонда Департамента народного просвещения, авторы пришли к выводу, что «политика властей в сфере народного просвещения Юго-Западного края может быть в целом охарактеризована как репрессивная» [11: 255]. Не соглашаясь с генеральным выводом исследователей, отметим, что в их монографии были намечены важные штрихи к обобщающей картине системы просвещения в Юго-Западных губерниях в эпоху Николая I, а именно: 1) ошибочность историографических представлений о всесильности министра С. С. Уварова в определении политики в «губерниях, от Польши возвращённых»; 2) мысль о том, что административно-полицейское управление в области просвещения, возложенное на аппарат генерал-губернатора, ограничивало власть Министерства народного просвещения в лице министра и попечителя Киевского учебного округа в данном регионе; 3) тезис об умеренной позиции министра С. С. Уварова в отношении просвещённой «русификации»

региона, в отличие от генерал-губернатора Д. Г. Бибикова, предпочитавшего традиционные для имперской администрации первой половины XIX века методы «запрещения» и «усмирения».

Анализ особенностей образовательной политики в Юго-Западных губерниях (Киевской, Подольской и Волынской) позволяет проследить те многочисленные противоречия, с которыми метрополия сталкивалась при попытках централизации и унификации единой системы образовательных, сословных и бюрократических стандартов на окраинах.

Точкой отсчёта особенного внимания к данному региону со стороны имперской администрации являются польские события 1830–1831 годов. В данном случае стоит подчеркнуть, что тенденция ужесточения контроля образовательного пространства Юго-Западного края имела место уже во время управления министерством К. А. Ливена. Одним из первых шагов в этом направлении является высочайшее повеление от 28 июля 1831 года о запрете уроженцам Западных губерний («Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Белостокской») поступать на службу по ведомству МНП без особого разрешения императора¹. После назначения С. С. Уварова на должность управляющего министерством меры по контролю личного состава служащих в регионе расширились: Николай I запретил чиновникам ведомства просвещения, служащим в Киевской, Подольской и Волынской губерниях, уезжать за границу под любыми предлогами. В высочайшем повелении от 29 апреля 1833 года, переданном С. С. Уварову через управляющего делами Комитета министров М. А. Корфа, было сказано: «Никому из тамошних уроженцев отпуск за границу не давать, требующих же лечения увольнять на Кавказ»².

Откровенно репрессивные механизмы контроля образовательного пространства (а через него и общественно-политического движения в крае в целом) многие напрямую связывают с уваровской идеологической доктриной, отчётливая циркуляция которой в ведомственном отношении имела место с 1833 года. Однако нельзя с этим согласиться, поскольку ещё в министерстве К. А. Ливена встречались подобные практики как реакция на ноябрьское восстание в Польше (например, закрытие Виленского университета, состоявшееся 1 мая 1832 года).

Ещё одна черта, часто приписываемая постфактум уваровской системе — «искоренение» иностранного влияния на образовательный процесс в регионах империи. Однако реализация данной меры была запущена задолго до вступления Уварова в должность министра. По этому поводу 12 июня 1831 года министру К. А. Ливену было отправлено предписание Николая I, в котором содержались поправки к училищному уставу 1828 года в контексте обострения борьбы с польским сепаратизмом. Император повелевал следующее: «Относительно иностранцев, имеющих вновь прибывать в Россию для посвящения себя воспитанию юношества, вы сообщите вице-канцлеру волю мою, о поручении российским миссиям в чужих краях: а) внушать сим людям, чтобы при отправлении в Россию они снабжали себя нужными документами о своём состоянии, образовании, вероисповедании и поведении, поставляя им на вид, что без таковых сведений они встретят в России затруднение определиться в училища, или в частные дома; б) разведывать самим о сих людях и сообщать сюда всё то, что о них узнают и в) неблагонадёжным, или подозрительным, вовсе не выдавать паспортов на отъезд в Россию»³.

Таким образом, первые попытки условной «русификации» края следует хронологически связать с реакцией на польские события и отнести к 1831 году, а отнюдь не к практической реализации С. С. Уваровым доктрины «православие, самодержавие, народность», начатой значительно позже. С. С. Уваров, будучи чиновником «утончённым», прекрасно понимал невозможность осуществления силового сценария в образовательной политике вообще и в руководстве ею в Юго-Западных губерниях в частности.

Задача исследователей уваровского периода в истории просвещения облегчена тем, что министр ёмко сформулировал задачи, стоящие перед вверенным ему министерством в Юго-Западных губерниях. В рамках секретного делопроизводства Канцелярии министра народного просвещения была обнаружена всеподданнейшая докладная записка (своего рода «заочный» формат доклада императору, сформулированный в письменном виде) под заглавием «О главных видах публичного воспитания в Западных губерниях». Она была послана С. С. Уваровым императору утром 23 марта 1835 года, вскоре после открытия Университета св. Владимира в Киеве. В тот же день Николай I внимательно её изучил и оставил карандашную резолюцию: «Совершенно согласно с моими

намерениями; строго держаться сего плана, ни в чём не послабляя и отнюдь не удаляясь»⁴. С какими же предложениями и формулировками Уварова так уверенно соглашался император?

В этом документе министр наметил шесть основных задач, предвосхищая их комментарием: «Операции Министерства народного просвещения в Юго-Западных губерниях состоят в непосредственном отношении к положению того края, после закрытия Виленского университета и приостановлении всех почти училищ в губерниях, от Польши возвращённых»⁵. Характерная особенность уваровского лексикона на протяжении 1830-х годов — впечатление чрезвычайности, «оперативности» предлагаемых мер и крайней важности воздействия на умы столь нестабильного с общественно-политической точки зрения региона. Это отчётливо прослеживается на материале докладов и докладных записок министра Николаю I в этот период.

Меры, предлагаемые С. С. Уваровым, включали:

1) восстановление образовательных учреждений Юго-Западного края после событий, связанных с ноябрьским восстанием 1831 года («в надлежащей связи и постепенности»⁶);

2) следование положениям «триады» по мере восстановления образовательных учреждений и, как следствие, их интеграцию в общеимперское пространство просвещения («восстанавливать и образовывать сии училища в духе русском, хотя большею частию под наружностью прежних наименований»⁷);

3) «мягкую» интеграцию без радикального пересмотра польской образовательной модели на первом этапе с учётом «местных требований» («дабы не пугать с первого приёма умы, ослеплённые заблуждениями продолжительными и недавними»⁸);

4) опору преимущественно на старые кадры профессоров и учителей, чья репутация не запятнана участием в польском национальном движении, ввиду отсутствия достаточного числа преподавателей и чиновников «русского» образа мыслей в Юго-Западных губерниях (сам Уваров называл это «эпохой перехода»⁹);

5) завоевание доверия польской шляхты с целью привлечения дворянского юношества к обучению в государственных учреждениях на «твёрдых началах», коими являлись Благородные пансионы;

6) превращение Киева в центр образовательной сети Юго-Западного края («восстановляя с сими предосторожностями систему учебную в губерниях, от Польши возвращённых», перенести центр [подчёркнуто С. С. Уваровым. — А. А.] оной в Россию, приноворя всю систему в должной постепенности к избранному центру»¹⁰).

При всей масштабности задач, министр понимал, что подобного рода интеграция — долгосрочная имперская политика, рассчитанная не на одно поколение администраторов просвещения. При этом его риторика зачастую подчинялась характерным настроениям самодержца, поэтому в его докладах встречается требование «водворения порядка на развалинах, взгромождённых неустройством и безумными мечтами»¹¹.

Далее следует специально рассмотреть три административные проблемы, связанные с политикой просвещения в данном регионе: идею Университета св. Владимира в Киеве и неудачи в её практической реализации; процесс борьбы с польским влиянием в школьной политике, а также административный конфликт С. С. Уварова и его ведомства с чрезвычайными чиновниками в лице генерал-губернаторов Юго-Западного края.

15 июля 1834 года в Киеве был торжественно открыт Университет св. Владимира. Особое положение учебного заведения было отмечено не административно, но идеологически: в Российской империи был открыт университет с сугубо утилитарными, можно сказать, политическими целями, которые открыто декларировались администраторами после ноябрьского восстания 1830–1831 годов. На примере Университета св. Владимира в Киеве мы видим, как концепция «гумбольдтовского» университета заметным образом видоизменилась в России изучаемого периода [12: 103–114]. Из двух фундаментальных черт гумбольдтовской модели (независимость высокой науки в стенах университета в сочетании с его полезностью для государства и общества) в проекте Киевского университета для имперских администраторов явно было важнее второе, причём в самом утилитарном политическом смысле.

Эта «полезность» отражена и в его нестандартном названии, данном по высочайшей воле по имени одного из самых почитаемых русских святых — св. князя Владимира. В одном из докладов Николаю I С. С. Уваров назвал Киев «Римом Южной России», пытаясь исторически обосновать выбор города в качестве крупного университетского центра империи¹².

Дискурсивные практики, используемые Уваровым в концепте «возобновления» высшего образования в Юго-Западных губерниях, формировались на основе идеи о том, что император Николай I всемилостивейше дарует истинное христианское просвещение прежде «заблуждавшимся» народам Западных губерний. Эта идея отчётливо прослеживается в тексте стихотворения поэта М. С. Скуридина (1795? – 1872), написанного на открытие университета в Киеве и положенного на музыку Юзефом-Августом Илинским (1766–1844). Это произведение исполнял хор на торжественной церемонии открытия:

*...Где охранялась Ольги рвеньем
Чистой веры колыбель,
И где Владимира вельем
Крещенья избрана купель:*

*Там полвселенная властитель,
Краса венцу, гроза врагам,
И подданных благотворитель,
Наук сооружает храм.*

*Сказал он – и зажглась златая
Здесь просвещения заря;
Храни ж, Всевышний, Николая,
Храни для нас отца-царя¹³.*

В «Журнале Министерства народного просвещения» был опубликован протокол торжественного открытия Университета св. Владимира в Киеве, в первом абзаце которого читаем: «Там, где некогда равноапостольный Владимир, озарив свой народ святым крещением, указал ему путь к вечному спасению, ныне, спустя восемь столетий, открыт под его именем и покровительством храм высших человеческих знаний в пользу жителей Западной России»¹⁴. Развернутая здесь телеологическая картина проводила тезис, что университет будет проводником «русского образа мыслей» в неблагонадёжном с политической точки зрения крае. Чтобы символически подчеркнуть идею верности метрополии, предводители дворянства Киевской, Волынской и Подольской губерний, этнические поляки Тышкевич, Линкевич и Раковский, произнесли верноподданнические речи на русском языке, которые пестрили словесными оборотами, характерными для культуры чиновников николаевского царствования.

Наиболее содержательной с точки зрения отражения дискурсивных практик нового административного направления в просвещении было выступление попечителя вновь образованного Киевского учебного округа Е. Ф. фон Брадке. Поскольку сам С. С. Уваров на торжественном открытии не присутствовал, на плечи попечителя было возложено озвучивание магистральных направлений и задач просвещения в Юго-Западных губерниях. В его речи император Николай I назван «великим возобновителем просвещения» в Юго-Западном крае, а его расчётливые политические ходы по интеллектуальной переориентации западных окраин трактовались как «благоволение к сему краю»¹⁵. Симптоматично и то, что попечитель, пренебрегая заветами Гумбольдта, отождествлял науку с «нравственным и учёным воспитанием»¹⁶.

С. С. Уваров, памятуя о гонениях попечителя Д. П. Рунича на профессоров-гуманитариев в Санкт-Петербургском университете 1820–1821 годов, не считал необходимым отменять какие-либо дисциплины даже в условиях сильного влияния идей польского национального возрождения. Вместо этого он «перекраивал» методологию преподавания дисциплин. В особенности это касалось философии. Попечитель также подчеркивал значимость философии для прочности положения нового университета: «[Науки философские] должны раскрытием чудес творца всего сотворённого усилить чувства истинного богопочтения; но опыт доказал противное: во всех почти странах Европы науки сии часто служили для преподавания безверия и губительного вольнодумства. Самолюбивое мудрствование людей, отвергнув творца, остановилось на самом себе, и сии науки, вместо истинно высокого и назидательного своего назначения получали вредное, разрушающее все основы нравственности направление. Университет св. Владимира, облечённый именем того, который первый водрузил крест спасителя в благословенном отечестве нашем, конечно, оснует на сём кресте всю свою мудрость»¹⁷.

С. С. Уваров лавировал между административной прагматикой (внедрение объективно сложных с общественно-политической точки зрения территорий в общее положение империи) и риторикой «общей пользы». Так, во многих записках, поданных императору во второй половине 1830-х — начале 1840-х годов, Уваров использует риторику «пользы для государства», в то время как в самых ранних докладах о положении вновь образованного Киевского университета он пользуется старой риторикой в духе александровского царствования: «Ныне, когда вашему величеству благоугодно было обратить милостивое внимание на учреждение в Киеве университета и тем отклонить чувствительный недостаток в способах к высшему образованию юношества в Киевской, Волынской и Подольской губерниях, ничего нет справедливее и с пользой тамошнего края сообразнее: как удовлетворить таким образом *общим желаниям принадлежащего к означенным губерниям благородного сословия* [курсив наш. — А. А.]...»¹⁸.

Инициативы местного дворянства по содержанию учебных заведений края при их ярко выраженной «сословности» были истолкованы министром как вклад дворян Юго-Западных губерний в развитие государственного образования. Предложение использования дворянских фундушей (так на польских землях называлось благотворительное пожертвование в пользу различных учреждений — монастырей, гимназий, университетов и т. д.) на государственные нужды покорила императора, согласившегося со всеми положениями доклада¹⁹.

Идея Киевского университета для С. С. Уварова была тождественна идее распространения русского языка на территории Юго-Западных губерний, поскольку Киевский учебный округ вместе с университетом были задуманы по ланкастерскому принципу: министр полагал, что вслед за русскоговорящим университетским городом потянутся и крайне неоднородные с этноконфессиональной и общественно-политической точек зрения Волынская и Подольская губернии.

Истово веруя в ланкастерскую систематичность, С. С. Уваров иногда преувеличивал успехи избранного им подхода интеграции. Из года в год, вплоть до охлаждения отношений с императором в конце 1830-х годов, министр докладывал ему об успехах на поприще распространения русского языка. И если в Киеве этот успех был несомненен и очевиден ещё до реформы Уварова, то в двух других губерниях с русским языком возникали большие сложности.

Несомненно, для Николая I была важна концепция государственного образования, что отчётливо выражено в указе Правительствующему Сенату о преобразовании Волынского лицея в Университет св. Владимира в Киеве от 8 ноября 1833 года: «Обращая непрерывное внимание наше на успехи общего истинно народного воспитания в государстве, признали мы за благо, по переводе Волынского лицея из Кременца в Киев, преобразовать оный в Высшее учебное заведение, с надлежащим распространением и на твёрдых основаниях, преимущественно для жителей Киевской, Волынской и Подольской губерний, коих наследственное усердие в пользу просвещения упрочило и на будущие времена благосостояние учебных заведений того края»²⁰.

Важнейшим аргументом в пользу открытия нового учебного заведения была идея «русского» университета на окраинных территориях с сильным польским влиянием, поэтому город Киев был избран новым университетским центром и, следовательно, центром Киевского учебного округа. Уже в указе об основании, к составлению которого, несомненно, приложил руку С. С. Уваров, читаем: «...избрав город Киев с давних лет к учреждению университета предназначенный, равно драгоценный для всей России, некогда колыбель Святой Веры наших предков и вместе с сим первый свидетель гражданской их самобытности, мы повелели учредить в оном университет...»²¹.

С. С. Уваров, будучи реализатором и соразработчиком (а лучше сказать — «корректировщиком») амбиций Николая I в отношении просвещения на этих территориях, продолжал избирать необходимые административные меры и подбирать нужные формулировки в отношении истории данного региона. Спустя год после открытия университета, 28 июля 1835 года, он подал Николаю I записку «О древних памятниках, в Западных губерниях открываемых», в которой едва ли не впервые в истории николаевского царствования предпринималась попытка исторического обоснования имперской политики в данных губерниях²². В рамках генеральной конструкции «православия, самодержавия, народности» он понимал, что изучение «древности», то есть истории в самом широком романтическом смысле этого термина, «есть очевидное доказательство прав империи на владение страной, искони принадлежавшею благословенному имени св. Владимира»²³.

Можно заметить, что символическая риторика и административная прагматика в проекте Университета св. Владимира сплелись воедино. Однако министр не был готов идти на крайние меры и «бросать» все ресурсы на проект Киевского университета. В феврале 1834 года в докладе Николаю I он писал: «Открытие Университета св. Владимира нанесёт ему [Харьковскому. — А. А.], вероятно, тяжкий удар, если не будут приняты меры, дабы он мог выдержать сие соперничество, которое потому только опасно для университета Харьковского, что сам он не находится на свойственной ему степени»²⁴.

Поскольку в области просвещения в Юго-Западном крае С. С. Уваров избрал самую очевидную для империи в её наднациональном смысле тактику «утверждения в народе чувств приверженности ко всему отечественному», одним из главных интеллектуальных механизмов для её реализации он считал изучение киевских «древностей» в духе «православия, самодержавия, народности» во избежание любых не связанных с государственной точкой зрения интерпретаций. Яркая демонстрация недружественных для концепции Уварова интерпретаций истории — дело «Кирилло-Мефодиевского» общества [4: 205–206]. Легальное дискурсивное пространство было ограничено официальной риторикой, выход за пределы которой грозил показательным политическим преследованием, как это было в случае с П. Я. Чаадаевым.

«Тщательное хранение русской старины», по С. С. Уварову, являлось «настоятельной политической необходимостью» в Западном крае²⁵. «Ещё больше в сём отношении внимания требует Киев, ныне сосредотачивающий в себе высшее образование юношества возвращённых от Польши губерний», — рассуждал министр, не подозревая, что открывает ящик Пандоры для конструирования и моделирования киевской древности в сепаратном, отличном от исторических притязаний имперской администрации смысле.

Умеренность С. С. Уварова, отнюдь не очевидная для большинства исследователей, не могла позволить реализовать столь амбициозный для империи проект «русификации». Поскольку Николай I лично возложил на министра Уварова кадровую политику во вновь устроенном университете, он ожидал, что практический результат проекта Университета св. Владимира не заставит себя долго ждать²⁶. Однако уже к 1837 году стало понятно, что «кадровый голод» в университете и в подавляющем числе учебных заведений Киевского учебного округа препятствует «уничтожению вредного для правительства образования молодых людей»²⁷.

Институциональные особенности Киевского университета, продиктованные нуждами имперской идеологии и администрирования, хорошо иллюстрируются на примере службы его первого ректора М. А. Максимовича. Будучи профессиональным ботаником, ординарным профессором Московского университета, многолетним директором ботанического сада Московского университета, 14 марта 1834 года он подаёт прошение временно управляющему МНП П. А. Ширинскому-Шихматову с просьбой о переводе его в Университет св. Владимира²⁸. Причём вакансии профессоров по кафедрам зоологии и ботаники уже были заняты, поэтому Максимович просил определить его в университет ординарным профессором русской словесности: «Но если на кафедры сии уже назначены профессора, в таком случае осмеливаюсь убедительнейше просить... назначить меня профессором российской словесности, согласно с желанием попечителя Киевского округа. Чувствую всю особенность и важность моего прошения; но я не смел бы обратиться с ним к вашему превосходительству, если бы не чувствовал в себе столько любви к русской словесности, столько привычки к труду и изустному преподаванию, что с ними могу в недолгое время одолеть предстоящую трудность и неукоризненно занимать сию кафедру»²⁹.

Максимович также писал о той перспективе и пользе, которую его преподавание должно принести в контексте «мягкой русификации» Юго-Западного края: «Я исполнил бы в Киеве давно желанное мною изучение славянских языков и может быть был бы так счастлив, что успел бы тем принести пользу и самой русской словесности, кроме её распространения между малороссиянами и поляками; там я мог бы докончить удачнее “Малороссийский словарь” и продолжать успешнее “Собрание украинских песен” — предприятия, удостоившиеся одобрения вашего превосходительства»³⁰.

Не остаётся никаких сомнений, что некоторая корректировка гумбольдтовской модели университета в угоду государственной пользе впервые в столь широком масштабе имела место именно в Университете св. Владимира.

Если обратиться к количественным и качественным характеристикам кадрового состава, выстроенного С. С. Уваровым в Киевском университете к 1837 году, мы узнаем, что на тот момент в нём преподавало 27 человек (15 — профессора, 5 — адъюнкты, 2 — лекторы языков, 5 — учителя искусств). Из 27 персон: 11 — поляки, католики; 9 — русские, православные; 2 — французы, католики; 1 — немец, протестант; этноконфессиональную идентичность 4 оставшихся преподавателей трудно определить за отсутствием явных отсылок на неё. Также отметим, что почти треть из числа преподававших получали образование в учебных заведениях Западного края (5 — в Виленском университете, 6 — в бывшем Кременецком лицее, 1 — в Киевской гимназии, 1 — в Виленской духовной семинарии, 1 — в Киевской духовной академии)³¹.

При всех очевидных противоречиях, порождённых кадровым голодом в Киевском учебном округе, становится очевидным, что силовой метод решения в политике просвещения никогда не одобрялся Уваровым, а уж тем более не использовался в качестве основного. Тот смысл, который министр закладывал в создание Киевского университета — это «распространение благоразумия на весь край»³², то есть реализация доктрины «православие, самодержавие, народность» всеми возможными методами при отстранении от крайностей.

Всё вышеперечисленное ярко иллюстрирует то обстоятельство, что главным условием персонального успеха С. С. Уварова как министра народного просвещения и идеолога для императора Николая I было «спокойствие» и «благоденствие» Университета св. Владимира в Киеве. Именно поэтому громкие общественно-политические процессы, происходившие в Киевском университете, прямо влияли на отношение императора к идеям С. С. Уварова и их практической реализации.

В 1838–1839 годах, когда в университете была обнаружена «зараза политических заблуждений», он был фактически закрыт на один год, а Николай I перестал чувствовать уверенность в действенности политики Уварова в «губерниях, от Польши возвращённых»³³.

Финальный этап уваровского периода управления министерством, который некоторые исследователи традиционно датируют последовавшим в 1847 году «делом» Кирилло-Мефодиевского общества, характеризовался ростом осторожности министра, с одной стороны, а с другой — усилением и без того бытовавшего недоверия со стороны императора Николая I к институтам просвещения и персонально к их главному апологету — С. С. Уварову.

События 1847–1848 годов имели прямое отношение к неудачной реализации идеи Киевского университета как «умственной крепости» в неблагонадёжном крае. В этот период Николай I окончательно разочаровался и в С. С. Уварове, и в его идеях. Характерным свидетельством разочарования в фигуре министра служит пометка императора на полях его доклада об осмотре Московского университета в 1848 году. Поскольку самой волнующей императора проблемой был польский вопрос, министр традиционно уделил ему особенное внимание: «Уроженцы Царства Польского, оканчивающие образование своё в Московском университете, отличаются безукоризненностью своего поведения, и, несмотря на тревожные явления на Западе и в других частях бывшей Польши, доселе не подавали повода ни к какому нареканию»³⁴. Напротив суждения министра Николай I собственноручно начертил карандашом: «Не верю сему!»³⁵. Никогда ранее так открыто император не оспаривал сведения, полученные из высоких кабинетов Министерства народного просвещения.

Острейшим образом польский вопрос был актуализирован в политике просвещения ещё во времена министра К. А. Ливена, сразу после начала польского восстания. Уже 25 ноября 1830 года Николай I рескриптом приказал министру народного просвещения «изыскать способ» полностью отменить в училищах Киевской губернии преподавание польского языка, а равно и преподавание наук на нём³⁶. К. А. Ливен, исполняя положения императорского рескрипта, предложил прекратить преподавание наук на польском языке в Харьковском учебном округе, «предписав Харьковскому университету постепенно нынешних учителей из поляков заменить природными русскими»³⁷. Такой сценарий был одобрен императором 10 декабря 1830 года³⁸.

Несмотря на то, что Уваров был сторонником умеренной «деполонизации» Юго-Западных губерний, в докладах и записках, поданных на имя императора, он умело демонстрировал свой воинственный настрой по отношению к полякам. До конца 1830-х годов Николаю I действительно казалось, что С. С. Уваров ведёт полномасштабную интеллектуально-идеологическую войну с польским

влиянием в Западных губерниях. Читаем фрагмент всеподданнейшего доклада об осмотре учебных заведений в Пскове, Динабурге, Вильне, Гродне и Белостоке от 30 сентября 1838 года, посвящённый обнаружению «крамолы» польского происхождения в некоторых учебных заведениях (в том числе Киевского учебного округа): «Если к сему прибавить, что и в Киевском учебном округе, где сложность заведений, учащихся и учащихся равняется почти вышепоказанному, нашлось только небольшое число возмужалых юношей, которые, живучи в разных губерниях у родителей и знакомых, были там вовлечены в гибель неумолимую пропагандою, на них со всех сторон направленною, и внесли с собой в университет [св. Владимира. — А. А.] эти зловредные заблуждения, то нельзя, кажется, не увериться в том, что великое дело, задуманное вашим величеством, идёт быстрыми шагами к полному успеху»³⁹.

С. С. Уваров часто воспроизводил шаблонную риторику Николая I в отношении бывших польских подданных. Смысловое содержание данных шаблонов: опасение новой «революции», отождествление идеи польской независимости с изменой России и лично её монарху, желание безболезненного «забвения прошедшего». В октябре 1835 года, выступая перед польской депутацией в Лазенковском дворце под Варшавой, император произнёс весьма брутальную речь: «Знаю, что чувствования ваши вовсе не таковы, в каких вы меня хотели уверить и что большая часть из вас готова при первом удобном случае возобновить случившееся во время возмущения... Вы имеете две дороги — или оставаться упорно в обманчивых мечтаниях о независимости Польши, или жить покойно, как верноподданные, под моим правлением. Если вы не перестанете питать преступные мечты о народности и независимой самостоятельности Польши, вы только навлечёте на неё величайшие несчастья; я воздвиг Александровскую крепость и объявляю вам, что при малейшем смятении прикажу разрушить город, уничтожу Варшаву и верно сам её возобновлять не буду»⁴⁰. В рамках данной генеральной линии конструировалась административная риторика всех центральных чиновников в Западном крае, включая министра С. С. Уварова.

Малейшее недоразумение, имевшее место в любом учебном заведении, рождало подозрение в политической неблагонадёжности и даже злом умысле учащихся или учащихся, вызывало шквал административно-полицейских мероприятий с последующим поиском вредителей, зачастую объединённых в «тайные сообщества». Наиболее характерной иллюстрацией иногда и вовсе курьёзных мероприятий служит обнаружение «крамолы» в Винницкой гимназии летом 1831 года. Группа гимназистов 14–18 лет в количестве 15 человек, занимаясь фактически ребяческими шалостями, создали общество, пародирующее иерархию губернского управления: среди них появились вымышленные губернатор, губернский и поветовый предводитель, презус, судья, казначей, секретарь и т. д.⁴¹. Донос одного из учителей весьма быстро преодолел иерархию «губернский контролёр — гражданский губернатор — военный губернатор — император». Николай I, получив сведения о «заговоре», отреагировал резолюцией: «Согласен, прислать мне немедленно список всем учебным заведениям в Подольской, Волынской и Киевской губерниях, означив особо те, кои содержатся католическим духовенством»⁴².

Подобная административная паранойя была обусловлена тем, что «заговор» гимназистов был организован этническими поляками Карлом Куржанским (17 лет) и Альбином Курашинским (18 лет). Это смешное, на первый взгляд, обстоятельство стало одной из важных предпосылок к закрытию Виленского университета в 1832 году.

Борьба с польским влиянием на местах нашла свое, хотя и не слишком существенное ввиду кадрового кризиса, отражение. Например, в октябре 1835 года по доносу местного полицейского чиновника Министерство народного просвещения было вынуждено вмешаться в независимые выборы почётного попечителя Каменец-Подольской гимназии, поскольку победу на них одержал польский помещик Иосиф Држевецкий, до этого занимавший ту же самую должность в Винницкой и Подольской гимназиях. «При сём долгом поставляю присовокупить, что хотя Иосиф Држевецкий и получил большинство голосов, но так как он в настоящее время подозревается в неблагонамеренных сношениях с мятежниками, удалившимися за границу, то я со своей стороны нахожу к утверждению в сем звании более достойным титулярного советника Юшневского, как русского, и в продолжение служения предводителем заслужившего высочайшее внимание», — комментировал донос Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор А. Д. Гурьев⁴³. С. С. Уваров утвердил кандидатуру малоросса Юшневского.

Для понимания особенностей антипольской кадровой политики МНП в Юго-Западном крае интересно «дело Бокщанина», имевшее место летом 1839 года. Если в случае с Иосифом Држвецким с точки зрения администраторов был несомненен факт «предательства», то в случае с директором Житомирской гимназии Осипом Бокщаниным была использована иная формула. При несомненной для чиновников МНП «усердии и деятельности», директору было поставлено в вину то, что «ложные понятия о польской национальности не изменились ещё в юношестве, обучающемся в гимназии; русский язык развивается слабо от недостатка в практическом обучении, и вообще надзор за учениками вне гимназии требует значительного усиления и надёжных мер, соображённых с местностью»⁴⁴. Таким образом, его деятельность по школьному «располячиванию» была признана неэффективной, но, не находя видимых причин для отставки (поскольку ровно на тех же основания можно было отправить в отставку самого генерал-губернатора и министра народного просвещения), О. Бокщанину напомнили о «происхождении его из туземцев края» и связали это с плохим знанием местных реалий, что противоречило генеральной установке, выработанной самим С. С. Уваровым⁴⁵. В конечном итоге высочайшим указом Бокщанина отправили на пенсию с годовым содержанием в 800 рублей серебром, приняв во внимание его безупречную 24-летнюю службу⁴⁶.

Борьба с «полячеством» велась не только на кадровом, но и на цензурном фронте. В одном из докладов Николаю I по поводу беспорядков в Университете св. Владимира С. С. Уваров сообщал, что несколько студентов распространяли между собой сочинения Адама Мицкевича. При этом сами учащиеся уверяли, что третий том стихотворений Мицкевича они получили от «умершего эконома Маковского»⁴⁷. Ситуация казалась администраторам настолько серьёзной, что министр Уваров лично прибыл в Киев для допроса «взбунтовавшихся» студентов. Однако, как следует из отчёта, даже коллективный допрос студентов С. С. Уваровым и военным генерал-губернатором А. Д. Гурьевым не дал необходимых для следствия результатов⁴⁸. Николай I особо пометил карандашом высказывание министра в отчете: «...Преступное покушение забросить в Университет св. Владимира первый зародыш возмутительных понятий принадлежит к действиям той шайки, которая из прочих более или менее отдалённых государств Европы неослабно ищет пути, чтобы проникнуть в Западные пределы империи. Цель этой пропаганды (подчёркнуто С. С. Уваровым. — А. А.) может быть двоякая: или приспособить к своим видам неопытный дух здешнего юношества, собранного в наши учебные заведения — или помрачить в глазах правительства дух этого юношества и, лишив здешние учебные заведения доверия... мало-помалу приуготовить их упадок и тем уже получить опять под своё непосредственное влияние юношество, которое мятежники, без сомнения, считают будущим орудием правительства к искоренению мнимой их национальности»⁴⁹.

Один из киевских жандармов доносил А. Х. Бенкендорфу 28 ноября 1837 года: «С открытием Киевского университета и с перемещением в оный тех же профессоров и учителей, которые были и в вышеупомянутых учебных заведениях [Виленском университете и Кременецком лицее. — А. А.], сие зло не прекратилось, но более увеличилось тем, что в Виленском университете и Кременецком лицее, воспитывались одни поляки, а в Киевском есть много русских молодых людей, которые могут от поляков заразиться теми же вредными и нелепыми помышлениями»⁵⁰.

В исследуемый период на территории Киевского учебного округа юридически центральная власть в лице МНП задавала основное направление образовательной политики. Однако, поскольку эпоха «чрезвычайности», последовавшая после первого польского восстания 1830–1831 годов, требовала военно-бюрократических методов и механизмов контроля над общественными настроениями, в том числе в стенах всех учебных заведений, все политические функции контроля осуществлялись местной властью в лице Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора. До первых потрясений 1837–1839 годов в Киевском университете это явление ещё не приобрело большого масштаба и тем более не вызывало такого беспокойства перед угрозой не только польского, но и малороссийского сепаратизма, которое возникло в правительстве (и руководстве МНП) в 1847 году в связи «делом Кирилло-Мефодиевского общества».

В делах, тесно затрагивавших интересы чрезвычайных чиновников на местах, авторитет министра для императора был менее значим, чем мнение и позиция глав военной администрации края. Об этом свидетельствуют резолюции императора. Так, когда С. С. Уваров предлагал Николаю I

«законсервировать» археологические ценности Киева, император повелел посоветоваться с Киевским военным губернатором А. Д. Гурьевым⁵¹.

Отчётливой иллюстрацией отсутствия общепринятой в историографии «всесильности» С. С. Уварова на территориях Западных губерний служит его почти не прикрытый конфликт с наместником Царства Польского И. Ф. Паскевичем, случившийся на почве столкновения интересов МНП и военной бюрократии в 1845 году. 17 октября 1845 года Уваров написал Паскевичу письмо о том, что необходимо утвердить в должности временно исправляющего обязанности попечителя Варшавского учебного округа П. А. Муханова до тех пор, пока основной попечитель, генерал-лейтенант Н. А. Окунев, будет занимать должность Варшавского военного губернатора⁵². Паскевич в весьма резкой форме отреагировал: «Имею честь ответить, что назначение нового попечителя здешнего учебного округа зависит от того, когда место это будет вакантным... Известно, что настоящий попечитель генерал-лейтенант Окунев только временно исправляет должность Варшавского военного губернатора... Нельзя делать распоряжения о назначении ему преемника, тем более, что я по главному начальству в здешнем крае не заметил в действиях г. Окунева по званию попечителя ничего, чтобы лишало его по управлению учебной частью заслуженного доверия... Позвольте Вашему высокопревосходительству припомнить, что в Совете управления председательствую я, и что в звании наместника, будучи облечён главным начальством по всем частям управления в здешнем крае, не исключая и учебного округа, я равно забочусь о каждой части и верно не менее г. Муханова могу наблюдать за правильным ходом и решением по Совету дел по учебной части»⁵³. К 1845 году министр Уваров выпал из обоймы влиятельных лиц, что подтверждает конфликт с лично близким Николаю I И. Ф. Паскевичем.

Ещё одной характерной иллюстрацией конфликта полномочий служит тот факт, что 18 апреля 1847 года, вместе с обострением общественно-политической обстановки в Юго-Западных губерниях, высочайшим повелением Николая I Киевский учебный округ был подчинён Киевскому генерал-губернатору с сохранением должности попечителя, становившейся формальной. Таким образом, с этого времени власть Уварова и чиновников его ведомства в Юго-Западном крае была сильно ограничена. Такая цепь мероприятий служила следствием возросшего недоверия Николая I к «успехам» Министерства народного просвещения.

В связи с ощутимым ограничением своих полномочий попечитель Киевского учебного округа А. С. Траскин писал министру С. С. Уварову о характере отношений с Киевским генерал-губернатором Д. Г. Бибиковым: «Я давно бы представил вам, если бы имел возможность сообщить Вашему сиятельству что-то положительное»⁵⁴. 4 мая 1847 года Бибиков принимал всех преподавателей Киевского университета и «начальников здешних учебных заведений». Попечителю Д. Г. Бибиков приказал собрать все имевшиеся юридические сведения относительно власти попечителя, чтобы определить, чем он отныне может заниматься под руководством генерал-губернатора⁵⁵. Это означало прямое ведомственное подчинение попечителя генерал-губернатору.

«Генерал-адъютант Бибиков посещает здешние воспитательные заведения и университет, решает некоторые важные для меня вопросы по случаю ожидаемого посещения государя императора и вообще оказывает участие и содействие в делах разного рода, но до сего времени, вероятно, по многосложным занятиям своим, не определил порядка моих сношений, а постоянно обнадёживает меня, что в непродолжительном времени займётся этим делом... Неопределённость моего положения меня очень затрудняет», — жаловался попечитель С. С. Уварову⁵⁶. Вероятно, и сам министр находился в лёгком недоумении от столь решительного отстранения от дел политики просвещения его чиновников.

Таким образом, в 1830–1840-е годы в образовательной политике в Юго-Западном крае на первый план выходят три проблемы, которые были тесно переплетены друг с другом. Во-первых, не слишком успешные попытки практической реализации идеи Университета св. Владимира в Киеве как основного центра интеграции «неблагонадёжных» Юго-Западных губерний в образовательное пространство метрополии. За этой идеей стояла сугубо прагматическая цель уменьшения польского влияния и ликвидации нелояльного общественно-политического движения на бывших польских территориях. Во-вторых, основным мотивом административной политики в области просвещения в исследуемом регионе была борьба с «полячеством» в самых разнообразных формах. Однако представления о методах борьбы у императора, министра народного просвещения С. С. Уварова и генерал-губернаторского корпуса были различными. Император, судя по всему, не считал достаточными

предлагавшиеся Уваровым методы «мягкой деполонизации». В-третьих, следствием отсутствия значимых успехов на пути «мягкой деполонизации» стало значительное ограничение влияния С. С. Уварова и вообще министерской вертикали на дела региона, включая надзор за учебными заведениями во второй половине 1840-х годов. Это привело к прямому административному конфликту МНП с чрезвычайными и местными чиновниками в Западных губерниях.

Список сокращений

МНП — Министерство народного просвещения

РГИА — Российский государственный исторический архив

Примечания

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875–1876. Стб. 443–444.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 96. По высочайшему повелению, объявленному управляющим делами Комитета министров о неувольнении в отпуск за границу впредь до повеления уроженцев Киевской, Волынской и Подольской губерний. 30 апреля — 24 мая 1833 г. Л. 1, 1 об.

³ РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 15. Высочайшие указы и рескрипты, всеподданнейшие доклады по Министерству народного просвещения. 1827–1831 гг. Л. 83, 83 об.

⁴ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 108. По всеподданнейшей докладной записке министра народного просвещения С. С. Уварова «О главных видах публичного воспитания в Западных губерниях». 25 марта 1835 г. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 2 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 3 об.

¹⁰ Там же. Л. 4 об.

¹¹ Там же.

¹² РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 609. По всеподданнейшей докладной записке министра народного просвещения С. С. Уварова о древних памятниках, в Западных губерниях открываемых. 28 июля 1835 г. — 28 июня 1842 г. Л. 4 об.

¹³ Торжественное открытие университета св. Владимира в Киеве // Журнал Министерства народного просвещения. 1834 г. Часть третья. № 7. Июль. С. 299.

¹⁴ Там же. С. 296.

¹⁵ Там же. С. 300.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 306.

¹⁸ РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 16. Высочайшие указы и рескрипты, всеподданнейшие доклады по Министерству народного просвещения. 1832–1839 гг. Л. 37, 37 об.

¹⁹ Там же. Л. 35.

²⁰ РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 16. Высочайшие указы и рескрипты... 1832–1839 гг. Л. 40.

²¹ Там же.

²² РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 609. По всеподданнейшей докладной записке министра народного просвещения С. С. Уварова о древних памятниках, в Западных губерниях открываемых... Л. 2–6 об.

²³ Там же. Л. 2 об.

²⁴ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 455. По доносу профессора Харьковского университета Венедиктова о беспорядках в тамошнем университете. 8 апреля 1833 г. — 10 августа 1834 г. Л. 39 об.

²⁵ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 609. По всеподданнейшей докладной записке министра народного просвещения С. С. Уварова о древних памятниках, в Западных губерниях открываемых... Л. 2 об.

²⁶ РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 16. Высочайшие указы и рескрипты... 1832–1839 гг. Л. 43.

²⁷ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 729. О вредном влиянии профессоров и учителей Киевского учебного округа на умы слушающих лекции студентов. 3 декабря 1837 г. Л. 1.

- ²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 166. Об открытии Киевского университета и назначении в него профессоров, лекторов и служащих. 20 января 1834 г. — 9 февраля 1835 г. Л. 36.
- ²⁹ Там же. Л. 34 об., 35.
- ³⁰ Там же. Л. 35.
- ³¹ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 729. О вредном влиянии профессоров и учителей Киевского учебного округа на умы слушающих лекции студентов... Л. 4–6.
- ³² РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 293б. Переписка министра народного просвещения С. С. Уварова с разными лицами и учреждениями. 1826–1849 гг. Л. 485.
- ³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 444. О закрытии Киевского университета и о переводе студентов, уроженцев Западных губерний и Царства Польского, в другие университеты в связи с волнениями студентов университета и учебных заведений. 6 января 1839 г. — 28 января 1857 г. Л. 5.
- ³⁴ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 293 б. Переписка министра народного просвещения С. С. Уварова с разными лицами и учреждениями... Л. 648 об., 649.
- ³⁵ Там же. Л. 649.
- ³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 91. Д. 185. О запрещении преподавания на польском языке в заведениях Киевской губернии и об усилении преподавания в них языка русского. 26 ноября 1830 г. — 1 февраля 1831 г. Л. 2.
- ³⁷ Там же. Л. 8.
- ³⁸ Там же. Л. 9.
- ³⁹ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 293б. Переписка министра народного просвещения С.С. Уварова с разными лицами и учреждениями... Л. 510 об., 511, 511 об.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 469. Речь, говорённая императором Николаем I 4/16 октября 1835 г. в Лазенках польской депутации. Л. 14–16.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 788. О раскрытии тайного общества в Винницкой гимназии, о правительственных репрессиях в отношении участников, о закрытии Волынского лицея и училищ при католических монастырях Волынской, Киевской и Подольской губерний. Часть I. 11 августа 1831 г. — 18 января 1834 г. Л. 4 об.
- ⁴² Там же. Л. 2
- ⁴³ РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 239. Об утверждении почётным попечителем Винницкой гимназии С. П. Юшневского и отклонении кандидатуры И. Ф. Држевецкого, подозревавшегося в связи с поляками, эмигрировавшими после восстания 1831 г. за границу. 13 октября 1835 г. — 14 января 1836 г. Л. 1, 1 об.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 474. Об увольнении директора училищ Волынской губернии О. Бокщанина в связи с признанием его несоответствующим занимаемой должности в губернии с преобладанием польского населения и переводе на его место директора училищ Черниговской губернии Б. И. Фишера. 26 июля 1839 г. — 30 декабря 1839 г. Л. 5.
- ⁴⁵ Там же. Л. 5 об.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 474. Об увольнении директора училищ Волынской губернии О. М. Бокщанина... Л. 11.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 335. Всеподданнейший доклад министра народного просвещения С. С. Уварова Николаю I о «следствии по делу студентов» Киевского университета. 21 октября 1837 г. Л. 1 об.
- ⁴⁸ Там же. 2, 2 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 2 об.-3 об.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 729. О вредном влиянии профессоров и учителей Киевского учебного округа на умы слушающих лекции студентов. 3 декабря 1837 г. Л. 2.
- ⁵¹ Там же. Л. 2.
- ⁵² РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 293б. Переписка министра народного просвещения С. С. Уварова с разными лицами и учреждениями... Л. 619–619 об.
- ⁵³ Там же. Л. 620–621.
- ⁵⁴ Там же. Л. 627.
- ⁵⁵ Там же. Л. 627 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 627 об., 628.

Список источников

1. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семёнович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 352 с.
2. Шевченко М. М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: Три квадрата, 2003. 256 с.
3. Удалов С. В. Империя на якоре: государственная идеология, власть и общество в России второй четверти XIX века. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2018. 256 с.
4. Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и Кирилло-Мефодиевское общество или кризис «официальной народности» // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. ст. к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 196–207.
5. Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. VII. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1998. С. 56–74.
6. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
7. Миллер А. И. Нация, или Могущество мифа. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. 146 с.
8. Велижев М. Б. Чаадаевское дело. Идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 392 с.
9. Зиновьева А. П. На пути к фенномании: Александровский (Гельсингфорсский) Императорский университет и финская ученая корпорация после присоединения Великого княжества Финляндского к России в первой половине XIX в. // Карамзинские чтения, Санкт-Петербург, 11 мая 2022 года / Федеральное казенное учреждение «Российский государственный исторический архив». Вып. 4. СПб.: РГИА, 2022. С. 96–101.
10. Пустовойт И. С., Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и его нереализованный проект устава Санкт-Петербургского университета (1819 г.) // Труды Кольского научного центра РАН. 2021. Т. 12, № 1 (20). С. 81–103.
11. Манойленко А. С., Манойленко Ю. Е. «Спор славян между собою»: Общественное движение в Юго-Западном крае Российской империи в царствование Николая I. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 320 с.
12. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 304 с.

References

1. Whittaker C. *Graf Sergey Semyonovich Uvarov i ego vremya* [Count S. S. Uvarov and his time]. Saint Petersburg, Akademicheskiiy projekt, 1999, 352 p. (In Russ.).
2. Shevchenko M. M. *Konets odnogo Velichiya: Vlast', obrazovanie i pechatnoe slovo v Imperatorskoy Rossii na poroge Osvoboditel'nykh reform* [The End of One Greatness: Power, Education and the Press in Imperial Russia before the Liberation Reforms]. Moscow, Tri kvadrata, 2003, 256 p. (In Russ.).
3. Udalov S. V. *Imperiya na yakore: gosudarstvennaya ideologiya, vlast' i obshchestvo v Rossii vtoroy chetverti XIX veka* [Empire at anchor: State Ideology, Power and Society in Russia of the second quarter of the 19th century]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2018, 256 p. (In Russ.).
4. Zhukovskaya T. N. S. S. Uvarov i Kirillo-Mefodievskoe obshchestvo ili krizis “ofitsial'noy narodnosti” [S. S. Uvarov and the Cyril and Methodius group or the crisis of the “official nationality”]. *Otechestvennaya istoriya i istoricheskaya mysl' v Rossii XIX–XX vekov* [Russian History and Historical Thought in Russia of the 19th–20th centuries]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2006, pp. 196–207. (In Russ.).
5. Zhukovskaya T. N. S. S. Uvarov i vossozhdanie Sankt-Peterburgskogo universiteta [S. S. Uvarov and the reconstruction of St. Petersburg University]. *Ocherki po istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Essays on the history of St. Petersburg University]. Vol. 7, Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 1998, pp. 56–74. (In Russ.).
6. Zorin A. L. *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney tret'i XVIII — pervoy tret'i XIX veka* [Feeding the double-headed eagle... Russian literature and state ideology in the last third of the 18th — first third of the 19th centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2001, 416 p. (In Russ.).

7. Miller A. I. *Natsiya, ili Mogushchestvo mifa* [Nation, or the Power of myth]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2016, 146 p. (In Russ.).
8. Velizhev M. B. *Chaadaevskoe delo. Ideologiya, ritorika i gosudarstvennaya vlast' v nikolaevskoy Rossii* [The Chaadaev case. Ideology, rhetoric and state power in Russia of Nicholas I]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 392 p. (In Russ.).
9. Zinov'eva A. P. Na puti k fennomanii: Aleksandrovskiy (Gel'singforskiy) Imperatorskiy universitet i finskaya uchenaya korporatsiya posle prisoedineniya Velikogo knyazhestva Finlyandskogo k Rossii v pervoy polovine XIX v. [On the way to Fennomania: Alexander (Helsingfors) Imperial University and the Finnish Academic Corporation after the annexation of the Grand Duchy of Finland to Russia in the first half of the 19th century]. *Karamzinskie chteniya, Sankt-Peterburg, 11 maya 2022 goda* [Karamzin Readings, St. Petersburg, May 11, 2022]. Vol. 4. Saint Petersburg, RGIA, 2022, pp. 96–101. (In Russ.).
10. Pustovoyt I. S., Zhukovskaya T. N. S. S. Uvarov i ego nerealizovannyi proekt ustava Sankt-Peterburgskogo universiteta (1819 g.) [Uvarov and his unrealized project of St. Petersburg University statute (1819)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2021, vol. 12, no. 1 (20), pp. 81–103. (In Russ.).
11. Manoylenko A. S., Manoylenko Y. E. *“Spor slavyan mezhdu soboyu”: Obshchestvennoe dvizhenie v Yugo-Zapadnom krae Rossiyskoy imperii v tsarstvovanie Nikolaya I* [“The dispute of the Slavs among themselves”: A social movement in the South-Western Region of the Russian Empire during the reign of Nicholas I]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2015, 320 p. (In Russ.).
12. Readings B. *Universitet v ruinakakh* [The University is in ruins]. Moscow, Izd. dom Gos. un-ta — Vyshey shkoly ehkonomiki, 2010, 304 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Ашихмин — главный специалист Отдела научных публикаций Российского государственного исторического архива, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Information about the author

A. V. Ashikhmin —head specialist of Department of Humanities Publications in Russian State Historical Archive, postgraduate student of Institute of History of St. Petersburg University.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 21.04.2023.
The article was submitted 15.03.2023; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 21.04.2023.